Художник Валентина ШОБА:

«Без любви никакого искусства не существует»

Картины Валентины Шоба иногда называют сказочными – такие они загадочные и так не похожи на то, что видишь вокруг. А автор опровергает: «Да какие они сказочные, это голая реальность. Все с натуры. Просто я ее вижу такой». И искусство, как мне показалось, для нее не любимое занятие в жизни, а сама жизнь.

– Валентина, расскажите о вашем пути в мир искусства. С чего все началось?

– Это было так давно... Сначала рисовала на журналах и палочкой на земле. Весь двор был изрисован чем только можно. Когда доросла до изостудии, пошла учиться в Дом пионеров. В то время была еще практика, когда художники из Минска ездили и собирали талантливых детей по Беларуси – деревням, маленьким городкам. Находили детей, которые интересно работают, и предлагали поступить в школу-интернат имени Ахремчика, которую мы называли Парнат. Сегодня все самые интересные художники – это Парнат, каждый в свое время окончил эту школу. Там я училась с десяти лет.

– Каково это было – так рано уехать в чужой город, одной...

– Первые три дня – ужас, а потом привыкла.

– В Гродно приехали по распределению?

– Уже после Академии искусств. Сама выбрала город. Сестра здесь жила, я к ней ездила, и мне понравился Гродно. Мы же все были помешаны на истории, все любили Беларусь, были ориентированы в нужную сторону. Тогда это было важно – попасть в место, где есть история. Распределились сюда с Владимиром (Владимир Пантелеев, муж Валентины, известный гродненский скульптор – **авт.**).

– Город встретил приветливо?

– Казалось, вот-вот скажет: «Едьте, откуда приехали». Тогда существовал художественный комбинат и такое понятие, как заказ. Когда приезжают новые, значит, заказом надо делиться. Но, слава Богу, я не имела никакого отношения к заказу. Хотя, нет. Один все-таки был. Но это не для меня. Вот как мне могут заказать мой внутренний мир?

Мой мир – как отшельничество. Общение с красками, кистями, работами – это моя молитва.

– Как Вы сами определили свой стиль?

– Сложно. Это смешение всего и вся. Иногда говорят, что мои работы такие нереальные. Да нет же! Все с натуры, – Валентина задумывается и добавляет: – Но у меня есть несколько любимых цветов. Это черный, красный и синий. Основные. И золото – люблю, когда блестит, яркие картинки. А сама таких картинок не рисую. Но я даже больше люблю фактуру, нежели цвета. Здесь много всяких возможностей.

– Вы только что вернулись с одного пленэра, пару дней дома – и следующий...

– Пленэры – это просто отдых, но, конечно, и ответственность. Недавно, например, были на пленэре в Ломже (Польша), он международный, но ориентируется больше на Восточную Европу. Среди поляков, литовцев, белорусов „хотелось представить Гродно на том уровне, на котором к нему привыкли относиться.

– То есть на высоком?

– Надеюсь, что так. И, думаю, у нас получилось. Кстати, это был очень интересный пленэр. Давно не видела в скульптуре такой подвижки. Дима Сурский, председатель Союза дизайнеров, к примеру, только начал заниматься скульптурой – у него дизайнерские скульптуры. Круто! И очень интересно. Был еще один участник – Костя Костюченко из Минска, который прилетел буквально на три-четыре дня и сделал классную работу «Трудно быть ангелом». Скульпторы вообще сделали очень интересные работы. И столько, сколько многим и за год не удается.

– А своими работами Вы довольны?

– Когда такие люди, как Андрей Струмила, тебя приглашают, а потом еще хотят, чтобы все работы, которые делались на пленэре, были представлены на выставке, я могу только гордиться этим. Когда рядом стоит человек, которому уже далеко за 80, а он работает в камне так же, как молодые, понимаешь, что рядом с тобой титан.

Кстати, на пленэре был очень интересный момент. Я столкнулась с таким явлением, как монастырь капуцинов. Во-первых, он был мне из окна виден. Потом мы побывали там на экскурсии. Оказалось, что крест, вокруг которого построили каплицу, полоцкого происхождения. Когда-то в Полоцке был монастырь капуцинов, а когда его разгромили, братья выехали и увезли святыни с собой. Я вообще такие места очень чувствую, меня туда тянуло. Это и стало моей темой на пленэре. А на них у меня есть своя практика. Приезжаешь, тебя селят в какую-нибудь комнату и ты пытаешься наладить диалог с видом за окном, данностью, соорудить из него пленэр. В этом, может, и есть талант – увидеть в банальности и тривиальности то, что там внутри. И в итоге получаются неожиданные эффекты. Поэтому каждого пленэра я очень жду.

Фото Сергея КУРИЛЕО

– Что для Вас самая большая награда за работы?

– За работы я еще никогда ничего не получала, по большому счету. А награда – удовлетворение, когда сделал что-то, что тебе интересно. Но самая большая награда в жизни – это друзья. Их не бывает много.

– У Вас много настоящих друзей?

– В первую очередь это мой муж. Он же друг. Самый большой. Человек, который тебя понимает на все сто. И поддерживает на все сто. И не имеет к тебе никаких претензий. Человек, с которым комфортно во всем. Спать с карандашом в руках – а я такая, ненормальная – это трудно для семейной жизни. Но у нас все хорошо. Ничего, кроме поддержки и пожелания «Только вперед»... Мне кажется, это очень редкое явление, чтобы было рядом настолько комфортно.

– Вы вместе и дома, и на работе...

– Нет, на работе мы не вместе. Несмотря на то, что он всего лишь этажом ниже.

– Заходите друг к другу?

– Мастерская – это интимная территория. Сюда никто без приглашения не идет. Я, например, отшельник. Не люблю, если ко мне ходят, когда я что-то делаю. Для меня это просто катастрофа. Он прекрасно знает: если что-то нужно, позову.

– У Вас в мастерской очень много трав, на стенах – веночки засушенные, сплетенные коники...

– Лошадей, траву и деревья люблю больше, чем все остальное. Когда мы куда-нибудь едем – посиделки, праздник, путешествие, отовсюду привожу какие-нибудь веночки. А дочка Аня – воду и землю. Правда, я уже давно ничего не плела – жалко мне траву мучить.

– И у каждого веночка своя история?

– Но это не для читателя. По большей части, это интимные наши посиделки, когда мы ездим куда-то с друзьями и можем отдохнуть так, как нам хочется. Не прятаться за красивыми нарядами и правильными словами.

– Ваша дочь Аня Пантелеева вслед за родителями выбрала творческую профессию.

– Она занимается дизайном, учится в Литве. Когда я увидела один из последних ее проектов, была просто счастлива, что человек может так мыслить!

Аня поступила на бесплатное отделение, хотя в детстве ни в какую художественную школу или кружок не ходила. Я считаю, что дети сами все умеют. И гораздо лучше, чем взрослые. Человек просто должен в искусстве нетрадиционно мыслить. Учить надо, но уже на уровне академии. А до академии человек должен сам развиваться. У нас, например, в Парнате, учителя были и нашими родителями. Классы небольшие – 10 – 12 человек, причем группы разбивались на две мастерские. И к каждому ученику – индивидуальный подход. Поэтому у меня осталось впечатление, что это так и должно быть. Но это школа для таких «кройзи», и все не могут быть такими.

– Аня росла в мастерской?

– Она росла в доме, как и все нормальные дети. Просто я ненормальная – у меня везде мастерская. Дома – мастерская, в мастерской – мастерская.

– Дома тоже работаете?

– С 4 утра каждый день. Это самое время, когда абсолютно четкие мысли, пространство ничем не замусорено. Все спят – и здорово. А когда просыпаются, все исчезает сразу. И если не успел поймать ту нитку, то уже не поймаешь. Даже не вспомнишь, о чем это было. В это время информационное пространство открыто работает с человеком, если он хочет слышать или видеть, или найти свое самовыражение.

– Если не успели закончить, возвращаться к картине сложно?

– Есть вот работа – маленький конек, и я ее мучаю уже месяц второй. Это очень сложно, да. Но утро – это не обязательно встать и нарисовать картину. Это время подумать, что ты хочешь сделать, найти форму. А потом ты к ней идешь постепенно.

– А проект «Календарь» – 365 картин за год, каждый день?

– Это очень интересный опыт, потому что понимаешь, что информация всех поколений сидит в тебе. И можно поймать любой стиль... Все в твоих руках, и ты можешь реализовать это в быстрых, мимолетных рисунках: встаешь в 4 утра, а в 8 уже все сделано. Мне было интересно, потому как я над одной картиной долго работаю.

– Бывает, что Вы заставляете себя рисовать?

– Если надо заставлять, не стоит рисовать. Это не твое в таком случае.

– Что бы Вы посоветовали начинающим художникам?

– Никому никаких советов вообще не давала бы. Хочешь рисовать – рисуй. Тянешь свою телегу к свету – тяни. Искусство – это то, что строит жизнь и дает развиваться всему остальному. Это как воздух и вода. Лучше оно никого не сделает, хуже – тоже. Красота никогда не спасет никакого мира. Но обеспечит его существование. Если бы красота спасала, мы бы уже в раю жили. Но наряду с красивым рождаются и гадости. И это постоянная борьба между одним и вторым.

– В чем для Вас настоящая популярность и важно ли для художника быть продаваемым?

– Это не ко мне вопрос. С класса 10-го, наверное, мне вошло в голову, что совершенно неважно, как о тебе думают. Я не коммерческое существо. Может, и имела бы такую потребность, но у меня же есть Володя – тыл, который говорит: «Ты только работай, а все остальное – это мое». У меня абсолютно счастливая ситуация.

Может, и хорошо, когда тебя гладят по голове и говорят: «Какой ты талантливый художник!». Но, по большому счету, мы тянем одну телегу, которая ведет к тому, чтобы люди улыбались друг другу и любили друг друга. Мне кажется, искусство на это и направлено – «выкопать» любовь из забытья. Без любви никакого искусства не существует. Не той, которая между людьми. Такое понятие, как любовь, – оно всеобъемлющее.

Татьяна КУЗНЕЧЕНКОВА